

14 встречных замечаний к тезисам доклада
В.В. Ванчугова
«О действиях и намерениях
историка философии в прошлом и настоящем»¹

1. Уже самый первый тезис, заявленный докладчиком, – «Образованная публика охотнее читает «истории философии», избегая прочих дисциплин (онтологии, гносеологии)» – вызывает опасения, что в докладе речь пойдет о слишком многих серьезных проблемах, ни одна из которых в результате так и не будет прояснена. а) какой смысл вкладывают в понятие «образованная публика»? б) что понимается под «историей философии»?

2. Однако *даже если* допустить, что широкие круги разных стран, разных возрастов, имеющих совершенно разный образовательный уровень и интересы можно объединить выражением «образованная публика», *даже если* согласиться с тем, что все они охотнее читают «историю философии», – то все же не ясно, зачем искать здесь какой-либо *кризис*? Речь идет об устойчивой практике. Предпочтениях читателя.

3. Отметим попутно, что «историю философии» докладчик уже в *первых двух* предложениях использует в *различных* смыслах: в первом, как подраздел философии; во втором – как то, что *выдает* себя за тексты, относящиеся к этому подразделу. Ни один из тезисов не представляется мне верным.

4. Докладчик предполагает подумать также над следующим вопросом: «Отличаются ли по установкам сознания современные историки философии от тех, кто работал в этом направлении в (поза)прошлом веке?». – Что касается установок сознания, все зависит от того, в каком именно значении это понятие берется. Смысл его первого появления в традиции исторического мышления заключался как раз в том, установки, позиции сознания необходимо *изменчивы*. В феноменологии затем об установках сознания шла речь о том, что субъект постоянно *варьирует*. Ни одно из этих значений не составляет философской проблемы в контексте темы как она была заявлена докладчиком. Возможно, докладчик имел в виду *методологию*? быть может, *типы мировоззрения*? Очень надеюсь, что этот важный вопрос будет прояснен в выступлении В.В. Ванчугова.

5. Крайне интригует также и выражение «первые генерации историков философии». В какой исторической эпохе докладчик обнаруживает эти «*первые генерации*»? (И, опять-таки: в какой именно *национальной* традиции?). Действительно ли они ориентировались на «*летописцев и историографов*»? Не следует ли сказать обратное: в рамках определенного развития понимания истории формулируются *некоторые принципы*², которые *затем* и воспринимаются в качестве руководящих «историками и летописцами»?

6. Высказывания, отмеченные нами далее, не очень понятно как трактовать. Они, может, и сгодятся на то, чтобы развлечь студенческую аудиторию. Но в качестве тезисов *научного* доклада вряд ли уместны.

«...Интеллектуальные дела минувших дней получают завершение (обретают смысл, оправдательную формулировку) благодаря их работе; они подобны творцу – придают значение достойному, обличают ничтожное, наделяют события и личности смыслом и статусом, творят мир, подобно Саваофу. Их идеал – охватить как можно больший отрезок времени; добиться связности событий; придать смысл и единство разнообразию».

Интеллектуальные *дела* минувшего завершаются обычно *много раньше* того, как становятся объектом изучения историка. Свой смысл и оправдание они также *уже имеют* в рамках конкретной исторической ситуации. И ситуация эта, в любом случае, принадлежит к *прошлому*. «Дела» могут, конечно, приобретать определенный смысл также и спустя десятилетия (столетия). Но в обоих случаях речь идет о двух совершенно разных «смыслах». Признаться, мне трудно понять, почему В.В. Ванчугов упорно не желает признавать существования первого смысла и сводить историческое событие исключительно ко второму. Его цель, вероятно, в следующем: надо сначала убедить слушателя, что «смысл истории» – целиком и полностью в ее «презентациях» («историях философии»); затем произвести некоторые манипуляции с самими презентациями (напр., показать, что они «имеют отношение скорее к искусству»).

¹ Выступление должно открыть заседания семинара «Проблемы изучения русской мысли».

² Какие именно? В определении этого как раз и заключалась бы *философски* интересная задача.

Однако ни первый, ни второй фокус не проходит обычно незамеченным. Для того, чтобы создать эту иллюзию постмодернисты пользуются некоторыми довольно традиционными уловками. Историк «...обличает ничтожное», утверждает Ванчугов. Лукавство этой формулировки в том, что историки действительно обличают и критикуют. Однако *они никогда не обличают ничтожное*. Они обличают *нечто как* ничтожное. *Ничтожное* (не имеющее исторического значения) обычно никогда и не попадает в поле зрения историка. Его просто «не существует»³. Историк пытается обличить в качестве ничтожного как раз (всегда только) то, что имеет значение для настоящего, причем *именно потому* что оно такое значение имеет.

7. Вчитаемся внимательно также и в следующий пассаж:

«История – проявление смысла, длящегося во времени, но сами участники (философы) часто видят его превратно, и только историк все проясняет, выбрав правильную точку зрения».

Любые аннотации к предстоящему докладу – дело невероятно трудное. Необходимо изложить основные идеи, да притом так, чтобы слушатели не потеряли интерес к выступлению. Понимая всю сложность задачи, стоявшей перед В.В. Ванчуговым, я не хотел бы придирается к словам. Более того, я благодарен докладчику и организаторам семинара за предоставленную возможность ознакомиться проблемами, о которых пойдет речь в выступлении. Но все-таки хочу обратить внимание на то, что используемые здесь формулировки крайне *двусмысленны* и могут лишить выступающего части его аудитории. Отражает ли приведенный пассаж взгляды докладчика? – Очевидно, нет. Но стоит ли выбирать столь карикатурно-упрощенный взгляд на проблему истории – пусть и в полемических целях – в качестве темы обсуждения?⁴

8. Целая серия вопросов возникает также и к следующему фрагменту из аннотации к докладу:

«...арх. Гавриил в контексте триады «православие, самодержавие, народность» демонстрирует давнюю историю любомудрия; Шпет создает “Очерки”, чтобы оградить умы от чрезмерного увлечения мудрствованием и заняться делом на основе строгого знания об умопостигаемых вещах. Два взаимоисключающих проекта “истории русской философии”, и оба успешные...»

а) каковы основания для того, чтобы брать архимандрита Гавриила и Шпета в качестве «двух взаимоисключающих проектов» истории русской философии? б) будет ли докладчик утверждать, что «история любомудрия» и «история (русской) философии» – понятия синонимичные? в) мне уже приходилось сталкиваться со ссылками на историко-философскую концепцию Г. Шпета, причем всякий раз о ней говорится как о «проекте» вполне понятном как по своим замыслам, так и по используемой методологии. – Но не заслуживает ли он отдельного (предварительного) обсуждения? Быть может, как раз на примере Шпета удалось бы наиболее рельефно показать отличие того, что делается в российской культуре от работ аналогичного жанра западноевропейских стран?

9. Оставляют в растерянности и некоторые другие формулировки аннотации. «Зеньковский замечает в истории движение к созданию систем»? И что же именно этот факт должен нам разъяснить? К тому времени *идея системы как минимум на протяжении полутора веков является одним из идеалов научного знания*. Далее. Связывая в одном предложении историю философии Зеньковского и работы советских исследователей, которые «*видят материалистическую линию*», докладчик создает у читателя впечатление, будто для него это – явления одного порядка. Если в XIX в. еще возможны искреннее прослеживание «материалистической линии» в философии, то после 20-х гг. ее экспликация становится одним из главных требований марксистско-ленинской *идеологии*. Какое отношение к истории философии имеет идеологический конструкт, создаваемый на заказ? И расскажет ли докладчик, как соотносилась (уживалась) с этой идеологической задачей *профессиональная* история философии, сохранявшаяся и в советское время?

10. «Философия – одна, а истории про нее всякий раз разные». По всей видимости, это один из центральных тезисов докладчика. *Откуда* взято это представление о философии? *Готов ли* докладчик его отстаивать?

³ Торговка N на воскресной ярмарке в Париже в 1753 году продала 10 яиц, пять гусей и полмешка лука, после чего благополучно вернулась в деревню. Через неделю это «событие» было забыто и ею самой.

⁴ Если этот взгляд не покажется карикатурным, можно подробно обсудить идею «истории как смысла» (да при том смысле «длящегося во времени»), поговорить о том, какие метафизические предположения скрываются за тезисом об неких субъектах, которые, хотя и являются участниками определенного исторического процесса, но все же «видят его превратно» и т.д.

Бесчисленные вопросы на этом не завершаются.

11. «Сегодня “субстанция”, “материя”, с которой привык иметь дело историк философии, изменилась». – *Что именно изменилось? Я и здесь готов допустить, что это будет разъяснено в выступлении. Однако вопросов накапливается настолько много, что времени может не хватить.*

12. «Раньше за образ прошлого отвечали единицы, – так разъясняет аннотация темы предстоящего выступления, – затем десятки, сотни, теперь каждый уверен, что он лучше справится с этой задачей...». Несколько не понятен полемический пафос этой фразы. Имеет ли смысл браться за некое дело, если изначально есть основания предполагать, что сделаешь его хуже, чем удавалось ранее? хуже, чем могут сделать другие твои современники?

Кроме того. Поскольку ранее речь шла об *идеологии*, желательно избежать двусмысленности, создаваемой словом «отвечали (за)». Даже если принять тезис «Раньше историй философий было немного – сейчас же их пишут *очень многие*», он мало на что пригоден, если не учитывать те концептуальные и социальные (!) трансформации в рамках научного знания, его организации, которые происходили на протяжении последних двух столетий.

13. В некоторых случаях формулировки, используемые в аннотации (напр., «...информационно-коммуникативная среда упрощает способы решения задач») заставляют меня предположить, что дискуссия по докладу – если таковая вообще имеет смысл – может оказаться крайне затяжной. *Допустим*, что теория информации может оказаться полезной в рамках проблематики, заявленной В.В. Ванчуговым. Но разве ситуация упростится, если эту «среду» назвать *еще и* «коммуникативной»?

14. Боюсь, что провокативный вопрос, которым В.В. Ванчугов завершает аннотацию к предстоящему докладу, – «...означает ли все это исчезновение “истории философии” в ее прежнем понимании?» – повисает в воздухе. Я всегда с большой готовностью включаюсь в предлагаемые постмодернистами игры в «исчезновение», «конец», «смерть» всего, что только можно себе вообразить. Но не лучше ли для начала более внимательно *изучить* то, что кажется исчезающим?

Подведем итог.

Затронута тема, *слишком серьезная* для того, чтобы 1 марта 2011 г. создать *видимость* ее содержательного обсуждения.

Полагаю, целесообразнее сосредоточиться на более узком и четко определенном круге вопросов.

22 февраля 2011 г.